

КИРИЛЛ СОЛОВЬЕВ

СОЮЗ ОСВОБОЖДЕНИЯ

ЛИБЕРАЛЬНАЯ
ОППОЗИЦИЯ В РОССИИ
НАЧАЛА XX ВЕКА

ЧТО
ТАКОЕ
РОССИЯ

Что такое Россия

Кирилл Соловьев

**Союз освобождения.
Либеральная оппозиция
в России начала XX века**

«НЛО»

2021

УДК 63.3(2)53-52
ББК 328.123(47+57)«190»

Соловьев К. А.

Союз освобождения. Либеральная оппозиция в России начала XX века / К. А. Соловьев — «НЛО», 2021 — (Что такое Россия)

ISBN 978-5-44-481636-3

Первое десятилетие XX века стало временем самоопределения многих общественных сил и колоссального запроса на политические изменения, временем поиска будущего, многочисленных программных установок и формирования партийных организаций. Новая книга Кирилла Соловьева посвящена либеральной оппозиции в России накануне и во время Первой русской революции 1905 года. Речь идет о формах политического действия оппозиции в условиях самодержавия – причем той ее части, которая не была готова к прямому насилию и вместе с тем рассчитывала на итоговый успех. В 1905 году ее лидеры (Петр Струве, Евгений Трубецкой, Александр Кизеветтер, Екатерина Кускова, Николай Кареев, Михаил и Сергей Сабашниковы, Николай Гучков, Владимир Набоков, Владимир Вернадский и другие) чувствовали себя в числе победителей, внесших свою лепту в эволюцию политического режима. Кирилл Соловьев – доктор исторических наук, профессор Школы исторических наук Факультета гуманитарных НИУ «Высшая школа экономики», специалист по политической истории России XIX – начала XX веков.

УДК 63.3(2)53-52
ББК 328.123(47+57)«190»

ISBN 978-5-44-481636-3

© Соловьев К. А., 2021

© НЛО, 2021

Содержание

Общество	6
Читающая публика	10
В земских собраниях	14
Вехи общественного движения	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

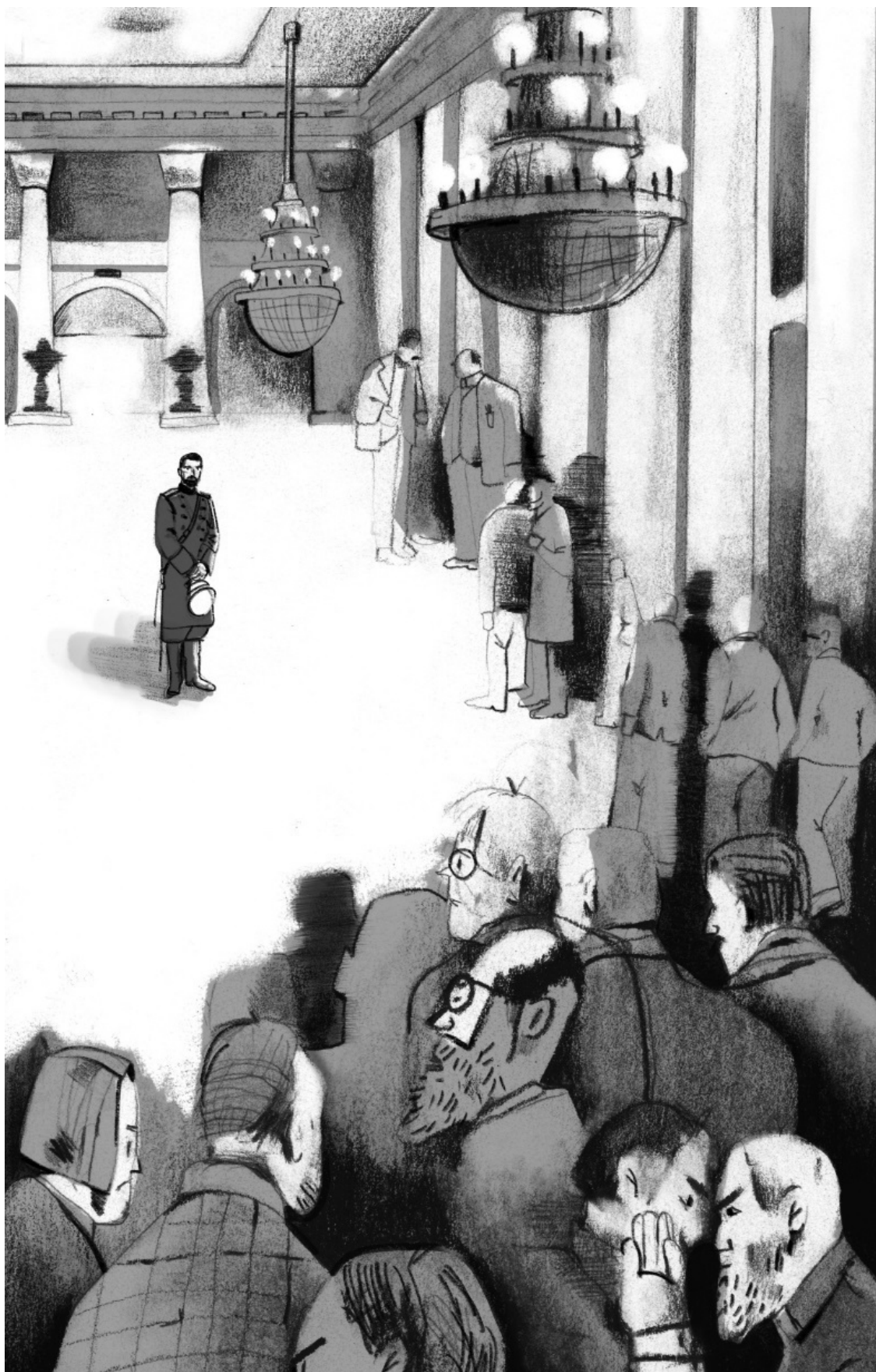
Кирилл Соловьев

Союз освобождения. Либеральная оппозиция в России начала XX века

Общество

Девятнадцатый век был длинным. Он заявил о себе тогда, когда как будто эталонная французская монархия конца XVIII столетия неожиданно стала «старым порядком», когда парижские кружки научились идеалы Просвещения обращать в политическое действие, когда показалось возможным выстроить новое общество на новом фундаменте. Девятнадцатый век начался вместе с Французской революцией. Вместе с ней в европейскую жизнь пришло много важных понятий. Встал вопрос о нации и национализме. По-новому было прочитано слово «конституция». Возникло идеологическое размежевание среди интеллектуалов. Это была повестка на все последующее столетие.

Современнику девятнадцатый век порой казался скучным, чересчур прозаичным. Кому-то не хватало поэзии Средневековья, кому-то – героики Античности. В прошлом искали идеал, рассчитывали увидеть его возрождение в будущем. Это неудивительно: как раз тогда, в XIX веке, была изобретена история как наука. Дела минувшие стали предметом профессиональных изысканий. Возникла потребность в эстетическом переживании истории. Преведние века стали территорией открытий. Впрочем, девятнадцатый век умел быть разным. В то время как одни с наслаждением вдыхали архивную пыль, другие искали научное описание природы и общества. Это было время стремительного научного прогресса, невиданного прежде в истории. Жизнь человека менялась на глазах, и это внушало уверенность, что она будет меняться и дальше. Из чего делался вывод, что и правовые, и социальные институты не могут стоять на месте. Они тоже будут совершенствоваться. Эти два разных мироощущения сосуществовали, иногда накладываясь друг на друга. В чем-то они сходились. Они подразумевали необходимость дать описание общества и власти, наметив перспективы их эволюции.

В России европейская повестка множилась на местные проблемы. И для империи конец XVIII века был определяющим. Благодаря политике Екатерины II в России возникли сослов-

ные права, а значит, сословия, и что важнее – тогда начало складываться «общество», пока малочисленное и исключительно дворянское. Оно крепко держалось за дарованные привилегии, отлично помнило, что всесильное государство отныне само себя ограничило и не может высечь представителя благородного сословия. Замечательный российский историк Н. Я. Эйдельман писал о «непороте поколения» русского дворянства, которое иначе себя ощущало, иначе понимало свое место в России, иначе действовало. 13 февраля 1797 года император Павел I запретил слово «общество». Сам по себе этот факт весьма показателен. Государь знал, чего бояться. Правда, он мог отменить слово, но не мог упразднить явление, которое оно описывало.

История общества в России – особый сюжет, достойный специального внимания. В данном случае стоит отметить лишь два соображения. На протяжении XIX века численность общества заметно росла. Общество оставалось меньшинством, но все более внушительным. В значительной мере это было следствием политики правительства, которое открывало высшие учебные заведения, учреждало земства, проводило судебную реформу, способствовало созданию акционерных компаний... В итоге менялся состав общества. К концу XIX века оно включало в себя не только и не столько дворянство. В первой половине столетия выпускник университета был практически обречен оказаться на государственной службе. В конце – у него уже был выбор. У него расширился круг чтения: преимущественно это были толстые журналы, которые и определяли повестку общественной дискуссии.

Какова же была численность общества? Об этом продолжают спорить. Едва ли это вообще разрешимый вопрос. По подсчетам Б. Н. Миронова, в 1870–1892 годах общественность составляла 10 % от всего населения страны, в 1906–1913 годах – 16 %. Иначе говоря, эти показатели хотя и медленно, но росли. Л. Хэфнер привел совсем иные цифры. Он учел численность членов общественных организаций в Самаре и Казани в начале XX века. На основе этих сведений исследователь пришел к выводу, что общественность – это не более 1,5–2 % городского населения (вместе с членами семьи – около 3 %).

Так или иначе, общество – малая часть населения. В *общественное же движение* была вовлечена малая часть общества. Само словосочетание остается в чем-то загадочным. Оно с трудом переводится на иностранные языки, не находит там прямых аналогов. Остается догадываться, когда и кем оно было введено в оборот. Видимо, его родителем был историк литературы А. Н. Пыпин. Российская словесность ему многим обязана: например, понятием «теория официальной народности». Изучая интеллектуальную сферу первой половины XIX века, он вышел на проблематику литературного движения, которое со временем преобразилось у него в общественное. Такая родословная понятия не кажется случайной. Вокруг толстых журналов и складывалось общество. Их читали, обсуждали, в редакциях знакомились и ссорились. В конце концов, именно журналы определяли общественную повестку. Она не могла быть собственно политической. В условиях цензуры, более или менее строгой, это было в принципе невозможно. Но такая повестка была на грани политического. Она подходила вплотную к «вечному вопросу» русской истории: о конституции – со всеми оттенками понимания этого термина, даже в отрицании ее. В том прежде всего и заключается феномен общественного движения: оно осуществлялось в «демаркационной зоне», которая отделяла легальное от нелегального.

В этом кроется известная трудность для исследователя общественного движения. Предмет его изучения не всегда очевиден, он «ускользает». Очевидно, что общественное движение не сводится к «подполью», но как тогда понять социальные масштабы этого явления? Политические партии пытались вести подсчет своих членов. Разумеется, им не стоит во всем доверять. Они были склонны преувеличивать свою численность. Однако в этом случае исследователь располагает количественными параметрами, пусть и не во всем надежными. Что же такое общественное движение за пределами этих партий?

Однозначного ответа на эту загадку нет, но есть одно обстоятельство, которое позволяет хотя бы приподнять завесу неизвестности. Была одна сфера общественной деятельности, которая разворачивалась строго на границе запретного и дозволенного: это земское движение. Его участники – именитые, влиятельные, состоятельные представители русского общества. Они были вхожи в «высшие сферы», часто непосредственно к ним принадлежали. Им было дозволено больше, чем многим другим. Само же земство, обладавшее некоторыми властными полномочиями, было центром притяжения самых разных сил. В его среде давало о себе знать недовольство сложившимся порядком. Земцев угнетала мысль об административном контроле над ними со стороны губернской или столичной администрации. Они мечтали поставить этому предел – в виде общероссийского земского собрания, Земского собора или парламента на английский манер. Каждодневная практика органов местного самоуправления подводила к мысли о политической реформе иногда весьма «благонадежных» лиц.

Сколько же было в России участников земского движения? До 1905 года общественное движение в России не могло быть многочисленным. По подсчетам исследовательницы Н. М. Пирумовой, речь идет о приблизительно 300 земцах (на 12 тысяч земских гласных). Естественно, речь идет о самых активных, деятельных представителях органов местного самоуправления, которые друг друга очень хорошо знали. Это единая среда, связанная не только общностью дела, но и семейными узами. Плотно стянутые воедино московские дворянские семьи становились своего рода ядром земского, а затем и всего общественного движения. Они были связаны друг с другом, с академическим миром, университетской кафедрой, высшими сферами. Значение земского движения не подлежит сомнению. Примечательно то, что его участники составляли чуть более 2 % от всех земцев в России, людей образованных и по определению занимавших активную общественную позицию.

Их общественная жизнь разворачивалась в дворянских поместьях, городских усадьбах. Это был мир, альтернативный чиновничьей канцелярии. Он строился на прочных социальных основаниях: речь шла о весьма благополучных людях. В то же самое время они были уверены в своем праве требовать что-то от власти. Это было уже не первое, а по меньшей мере четвертое непоротое поколение в истории России. Очень характерны слова адвоката, общественного и политического деятеля В. А. Маклакова о московских «лордах», которые хотя бы одним фактом своего существования олицетворяли возможную перспективу развития России – путем поступательной эволюции ее политических институтов.

Читающая публика

Говоря о русской интеллигенции, мы имеем дело с единственным, неповторимым явлением истории. Неповторима не только «русская», но и вообще «интеллигенция». Как известно, это слово, то есть понятие, обозначаемое им, существует лишь в нашем языке.

Вряд ли кто-нибудь станет спорить с историком и мыслителем Г. П. Федотовым по этому поводу. Осталось лишь определиться с понятием, дав ему хотя бы приблизительную дефиницию. По утверждению энциклопедического словаря Граната, интеллигенция – «слово, пущенное в оборот в одном из романов [П. Д.] Боборыкина и, несмотря на свою грамматическую неуклюжесть и логическую расплывчатость, прочно укоренившееся в нашем словесном обиходе». Нередко под интеллигенцией подразумевается совокупность социальных групп, занятых интеллектуальным трудом. Эта точка зрения все чаще находит своих критиков. Действительно, формальный подход к этому вопросу скорее «сбивает прицел». И. С. Розенталь, многие годы занимавшийся историей интеллигенции, подразумевал под ней прежде всего «термин, получивший распространение в России с 1860-х годов и обозначающий особую социокультурную общность, внесловное, свободно сложившееся средоточие лиц умственного и творческого труда». Споры об интеллигенции идут давно и, видимо, никогда не кончатся. Удобное, привычное слово было таковым и сто лет назад. И тогда, и сейчас речь идет о живом понятии, со своей судьбой, с множеством коннотаций, порой очень далеких по значению. Едва ли в этом случае оправдано спорить о смысле слова. Это в чем-то интересная, но безнадежно бесконечная игра. Важнее другое: активная часть образованного меньшинства – несомненно, ключевая сила в общественном движении России второй половины XIX – начала XX века. Это политическое, интеллектуальное, культурное, но в то же время (а может быть, даже в первую очередь) социальное явление, соответственно, имевшее более или менее отчетливое социальное измерение.

Общество XIX – начала XX века не отождествляло себя с народом¹. Народ был привычным объектом рефлексии «общественности», которая полагала своим долгом говорить от имени «безмолвного большинства». Принадлежность к обществу и обуславливалась вовлеченностью в процесс осмысления *общих* проблем. Общественная мысль – необходимый атрибут общества (а следовательно, и интеллигенции), создававшего смыслы и так или иначе транслировавшего их. Исходя из этого, наименьшее требование к представителю общественности – это принадлежность к читающей публике. По оценке И. С. Розенталя, в начале XX века ее численность составляла 1,5 миллиона человек. Но даже эта статистика не будет полной.

Можно ли считать всякого читающего представителем общественности? Зависит ли это от того, что он читает? Несомненный факт: публика прежде всего предпочитала периодические издания. Они составляли не менее трети печатной продукции, которую заказывали в библиотеках губернских городов России².

Распределение библиотечных требований по категориям литературы

¹ В то время понятия «общество» и «интеллигенция» являлись практически синонимами.

² Российское общественное движение разворачивалось и за рубежом. Речь идет о сравнительно малочисленной, но активной и влиятельной российской эмиграции. В этой связи обычно вспоминается лондонский круг А. И. Герцена. Вместе с тем книги на русском публиковались в Париже, Берлине, Лейпциге и многих немецких городах. Характерно, что, по сведениям Третьего отделения, герценовские издания преимущественно циркулировали в Санкт-Петербурге и Москве. В Западном крае о них просто не знали.

Название библиотеки	Процент от выдачи		
	Беллетристика	Научная литература	Периодика
Воронежская (1891)	35,6	2,3	55,1
Астраханская (1892)	38,2	8,1	52,5
Самарская (1892)	48,2	11,3	35,5
Нижегородская (1892)	47,2	11,2	34
Херсонская (1892)	47	6,1	36
Екатеринославская (1891)	59,1	1,6	31,8
Житомирская (1890)	53,6	14,4	32,2
Шадринская (1888–1889)	30,9	6	32,4

В частных библиотеках беллетристику заказывали 62 % читателей, научные издания – 1,6 %. Таким образом, общество преимущественно читало беллетристику и периодику (ради все той же беллетристики). Как и полвека назад, литераторы владели умами читающей публики. Научные книги были чрезвычайно мало востребованы. Тем не менее, если ограничиться лишь этим кругом литературы и выделить наиболее популярных авторов, этот список будет весьма примечателен. Первым в этом рейтинге стоял В. Г. Белинский. Он заметно опережал всех остальных (его книги за 1891–1892 годы заказывали более 175 раз). Белинскому уступали Н. И. Костомаров, Н. К. Михайловский, С. М. Соловьев (их работы заказывали более 100 раз). Более 50 раз заказывали книги Г. Вебера, Н. М. Карамзина, В. И. Семевского, Г. Спенсера, А. Шопенгауэра и других. Таким образом, книги по истории и философии пользовались сравнительной популярностью среди посетителей библиотек.

Это общая картина. Среди отдельных категорий читателей ситуация разительно отличалась. Студенты читали прежде всего книги по медицине и ветеринарии (3278 требований), беллетристику (3277), по юридическим и политическим наукам (1905). Чиновники заказывали беллетристику (203), книги по юридическим наукам (77). Военные читали периодические издания (46), книги по истории (40), беллетристику (32), работы по медицине (31), по юридическим и социальным наукам (28). Лица свободных профессий – по медицине (398), беллетристику (263), по юридическим и политическим наукам (229). Среди торговцев ситуация была другой. Они заказывали беллетристику (198), книги по медицине (51), периодические издания (43). Если даже отнести все эти категории читателей к общественности, следует признать: она была очень разной.

Ее объединяла не общность текстов, а в первую очередь общность социальных практик. К концу XIX века новые формы политической кооперации приобрели иные масштабы. Само общество быстро менялось. Поразительно ускорились потоки информации. Возникали новые формы общественной самодеятельности. За десять лет значительно увеличилось число лиц «интеллигентных профессий», количество периодических изданий, выпускаемых в России, почти удвоилось (в 1882 году – 554 периодических издания, в 1888-м – 637; далее рост становится куда более стремительным: в 1895-м – уже 841 издание, а в 1900-м – 1002). В 1889 году в России издавалось более 7 тысяч наименований книг, в 1913-м – более 30 тысяч.

Столь же быстро росло число общественных организаций. Об этом свидетельствует количество отложившихся дел во втором делопроизводстве Департамента полиции об открытии новых обществ: за 1890 год насчитывается 182 дела, в 1891-м таких дел уже 218, в 1892-м – 260, в 1893-м – 318, в 1895-м – 374, в 1896-м – 475. И в дальнейшем имел место рост численности общественных объединений и союзов. Только за период с 1906 по 1909 год возникло около 4800 подобных организаций. Впрочем, масштабы этого явления станут понятнее, если иметь в виду, что, к примеру, в Австрии (Цислейтании) в 1900 году было 59 800 общественных ассоциаций, а в 1910-м – 103 700.

В России до 1890 года существовало 4 педагогических общества, в 1890–1895 годах возникло еще 19, в 1896–1899-м – 28, в 1899–1902 – 20. Следовательно, к 1902 году существовало 71 общество взаимопомощи учителей. Учителя собирались на съезды: например, зимой 1895–1896 годов имел место II всероссийский съезд деятелей по техническому образованию. В Нижнем Новгороде в 1896 году, как раз тогда, когда в этом городе проводилась Всероссийская торгово-промышленная выставка, проходили совещания учителей. В декабре 1902 – январе 1903 года состоялся Всероссийский съезд учителей.

В конце декабря 1903 года в Санкт-Петербурге открылся III съезд деятелей по техническому и профессиональному образованию. Периодически собирались съезды Всероссийского общества русских врачей имени Н. И. Пирогова. В начале XX века собралось семь съездов, на которые порой съезжались более 2 тысяч участников. Правительство препятствовало образованию объединений медицинского персонала. В 1898 году не было дано разрешение образовать Общество московских городских врачей. То же решение было принято в отношении Московского зубоврачебного общества. Формировались нелегальные объединения: например, в Москве в 1901 году фармацевтами были образованы Совет уполномоченных и Союз борьбы за 7-часовой труд.

Общественные формы самодеятельности – лишь часть сложной менявшейся картины. Так или иначе, расширялась сеть просветительских учреждений. С 1896 по 1910 год в России было открыто 57 тысяч начальных и 1,5 тысячи средних школ. В 1890 году было 12,5 тысяч студентов, в 1913-м – 127 тысяч. Менялось положение и в здравоохранении. В 1906 году в целом по России 1 врач приходился на 8600 человек (в городах – на 1540 человек). В 1913 году 1 врач уже приходился на 6900 человек (в городах – на 1400 человек). В России появлялось больше учителей и учащихся, профессоров и студентов, врачей и прочих медицинских сотрудников – всех тех, кто может быть отнесен к общественности.

Общественность – это не только социальные группы, «площадки» для высказываний, но и скорость передвижения людей и информации, а значит, городская инфраструктура. В 1903 году началось регулярное движение трамваев в Москве, в 1907-м – в Санкт-Петербурге. К 1904 году они ходили уже в 21 городе Европейской России. В 1910 году – в 39. В 1903 году Московская городская дума утвердила постановление «О порядке движения по Москве на автоматических экипажах». Речь шла об автомобилях, которые в начале XX века были еще диковинкой. К 1911 году в Санкт-Петербурге было уже 2 тысячи частных и 500 казенных автомобилей. Разрасталась телефонная сеть: в 1896 году она существовала в 56 городах, в 1900-м таких городов было 67, в 1910-м – 230.

Впрочем, вполне очевидно: данные показатели имеют лишь косвенное отношение к такому явлению, как «общество». Не всякий земский учитель или врач был составной его частью. Далеко не каждый читатель был его представителем. Для того чтобы понять характер феномена, следует обратиться к тем институтам, вокруг которых общество складывалось. В первую очередь это периодические издания. В России начала 1890-х годов было около 900 газет и журналов. Это существенно больше, нежели было раньше. И все же масштаб явления становится очевидным лишь в сравнении. Российские показатели в данном случае были в семь раз меньше, чем в Германии, в пять раз меньше, чем во Франции, в четыре раза меньше, чем

в Англии. Пожалуй, как и всегда, более красноречивы не абсолютные, а относительные показатели. Так, в Швейцарии на один миллион населения приходилось 230 изданий, в Бельгии – 153, в Германии – 129, во Франции – 114, в Норвегии – 89, во Великобритании – 88, в Испании – 68, в Италии – 54, в Австрии – 43, в Греции – 36, в Сербии – 26, в России – 9.

В 1891 году по почте было переслано около 113 миллионов штук подписных периодических изданий. Таким образом, на одного образованного подданного Российской империи приходилось 5 экземпляров изданий в год (или же один экземпляр, если принимать в расчет все население страны). Разумеется, это было совсем немного. В Швейцарии на одного жителя приходилось около 30 экземпляров, в Дании – около 26, в Германии – более 18, в Бельгии – более 16, во Франции – около 11, в Италии – более 4.

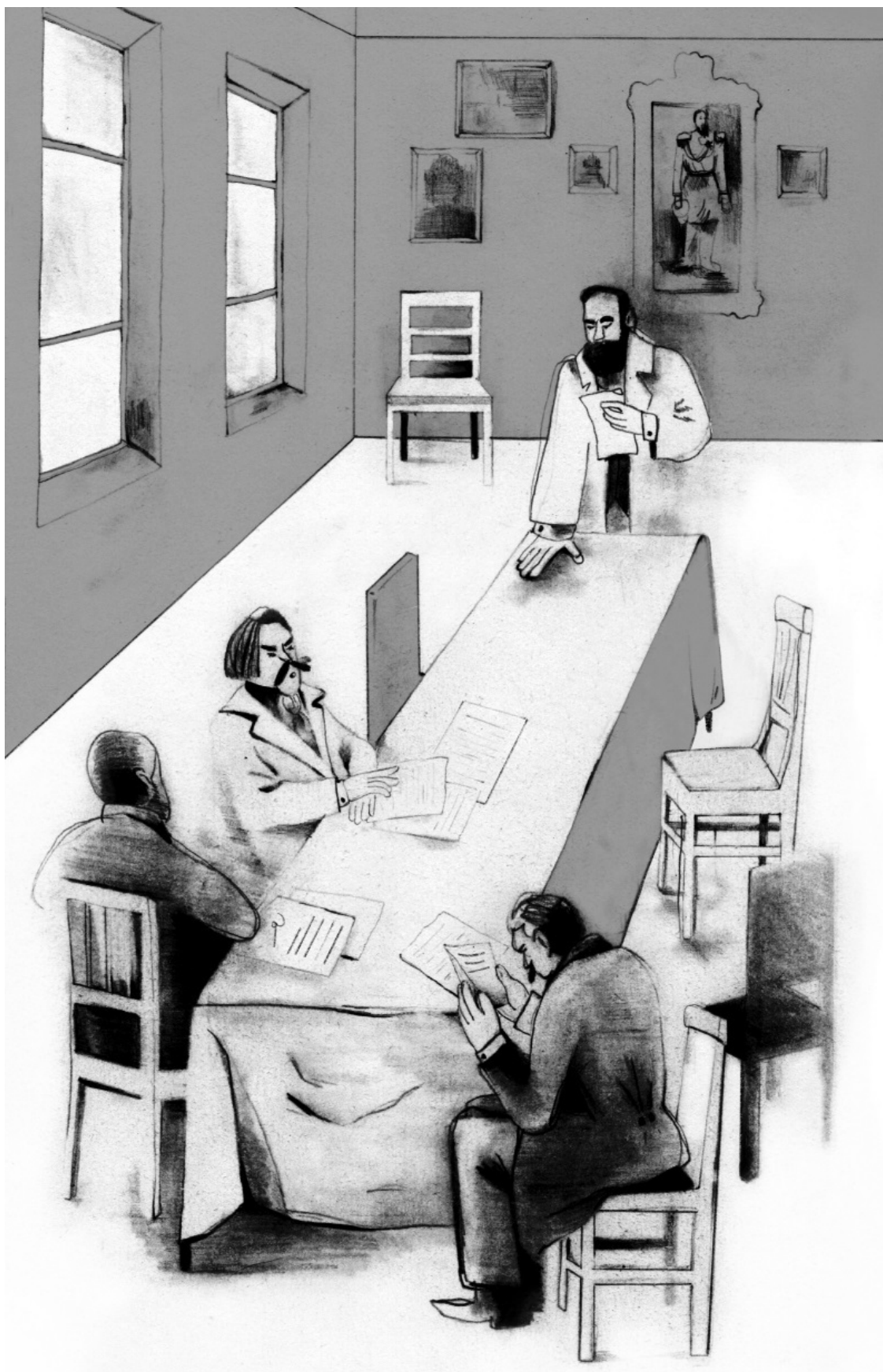
Примечательно географическое распространение читающей публики. В 1887 году было более 1270 книжных лавок и магазинов. 283 находились в Санкт-Петербургской губернии, 177 – в Московской. Таким образом, 460 книжных магазинов (более 36 %) находилось в столичных губерниях. Столицы были центрами издательской деятельности. В 1892 году в Санкт-Петербурге было издано 3210 книг, в Москве – 1962. Вслед за столицами шли университетские города: Казань, Киев, Одесса, Харьков. А после них – Тифлис. При этом все прочие города существенно отставали от Санкт-Петербурга и Москвы. В 1893 году всего в России было издано на русском языке 7782 книг. В столицах – 5725.

Если попытаться нарисовать карту распространения интеллигенции в России в начале XX века, следует выделить немногочисленные точки губернских и столичных городов на огромной территории страны. Интеллигенция в России – это своего рода «центроостремительная сила», неизменно предпочитавшая город деревне, губернский город уездному, столичный – губернскому. От слова, брошенного камнем в столице, кругами расходились толки, слухи, домыслы по всей стране. Волны общественной мысли в центре обращались в мелкую зыбь на окраинах. Ведь многое зависело от плотности коммуникации – а следовательно, от скорости циркуляции слов и идей. В таком случае интеллигенция – это в первую очередь социальная сеть, обеспечивавшая движение мысли. Она объединяла людей очень разных, с различным достатком и социальным опытом. По этой причине под словом «интеллигенция» скрываются не только различные социальные группы, но и разные «миры», мало пересекавшиеся между собой.

В земских собраниях

Один из ключевых институтов становления и эволюции российского общества – органы местного самоуправления, прежде всего – земства. Сам факт образования подобных учреждений способствовал складыванию новых страт, из которых общественность в значительной мере и состояла: это деятели местного самоуправления, земцы, и так называемый третий элемент, земские служащие: земские учителя, врачи, статисты, агрономы и другие. Во-вторых, земство – весьма авторитетная «площадка» для обсуждения наиболее актуальных вопросов современности, это одна из важнейших «фабрик идей» второй половины XIX – начала XX века. Наконец, земство – своего рода школа публичной политики, которой воспользовались многие будущие депутаты Думы. Органы местного самоуправления позволяли себе легально обсуждать вопросы общественной жизни, вплотную приблизиться к политической повестке, которая до 1904–1905 годов оставалась в «зоне умолчания».

Земцы и земские служащие существовали в разных социальных измерениях. На одном полюсе были представители знатнейших фамилий империи, на другом – лица с очень скромным статусом и жалованьем. Так, в 1890 году более половины народных учителей Московской губернии имели жалованье в 300–400 рублей в год, 16 % – 200–300 рублей, 27,5 % – 150–200, 2,5 % – менее 150 рублей. Как вспоминал князь М. В. Голицын, в Епифанском уезде Тульской губернии большинство школ размещалось в крестьянских избах. Специальных зданий было построено крайне мало. Большинство учителей были выпускниками земской трехлетней школы. Учительниц, окончивших гимназии или епархиальные училища, и учителей, имевших за спиной учительскую или духовную семинарию, было немного. Это не удивительно, имея в виду, что им было положено ничтожное жалованье, 10–12 рублей в месяц. 15 рублей получали очень редко. Чаще случалось обратное. Преподававшим в школах отставным солдатам, не получившим звание учителя, платили всего 8 рублей. За 1897 год М. В. Голицын посетил приблизительно 50 школ. Из них лишь восемь ни в чем не нуждались.

Эти проблемы вызывали живое сочувствие земских деятелей. Они ощущали свою органическую связь с «третьим элементом», подчеркивали значение земской школы, больницы.

М. А. Стахович, орловский предводитель дворянства, в записке о местном самоуправлении в России полагал необходимым цитировать князя А. Б. Васильчикова, согласно которому, «главными органами самоуправления» были *народные училища*, земские собрания и мировой суд. Молодые люди, такие как сын генерала Д. И. Шаховской, оставили мысль о научной или чиновничьей карьере, занявшись постановкой народного просвещения и с головой уйдя в земское дело. На немногих земских «беседах» начала 1890-х годов, повестка которых отразилась в дневниках публициста и общественного деятеля К. К. Арсеньева, обсуждали в первую очередь проблемы народного образования. Согласно переписке графа П. С. Шереметева и князя Д. И. Шаховского, еще в 1897 году началась работа по составлению сборника «Всеобщее образование в России». Изначально речь даже шла о периодическом издании, посвященном проблемам народного образования. Однако школьное дело было не просто темой будущего сборника. «Кажется, было бы возможно в значительной мере объединить деятельность отдельных земств по народному образованию путем составления свода сведения об них и путем некоторого воздействия на самое направление и силу деятельности отдельных земств», – объяснял Шаховской Шереметеву в письме от 3 ноября 1897 года.

Впоследствии многие «земские слеты» были посвящены школьному делу (совещание общественных деятелей в Петербурге 13 января 1901 года, в марте 1901 года, собрание деятелей местного самоуправления в Курске 28–30 июня 1901 года, совещание 13 октября того же года). Такой подход способствовал установлению тесных межличностных связей. Граф П. С. Шереметев, сын богатейшего человека России, друга Александра III С. Д. Шереметева, поддерживал контакты с «красными» земскими служащими. Семья была им недовольна и даже ограничила в средствах. Граф жил крайне скромно. М. В. Голицын, порой останавливаясь у него, чтобы не стеснять хозяина, предпочитал обедать в гостинице. Председатель Московской губернской земской управы Д. Н. Шипов, радевший за земскую интеллигенцию, попрекал коллег за высокомерное отношение к земским учителям, врачам, агрономам и т. д. В мае 1903 года он писал: «Весь день провел с [Н. А.] Хомяковым и проспорили без конца. Хороший он малый, но все еще не перебродила в нем барская закваска и не может он хладнокровно и правильно отнестись к бессловной интеллигенции и в своем проекте о хозяйственном попечительстве, который он, между прочим, подавал Плеве, он проектирует попечительство исключительно крестьянское, чтобы оградить крестьянство от влияния интеллигенции». Подобный подход вызывал у Шипова нескрываемое раздражение. В Суджанском уезде Курской губернии земские служащие почитали председателя уездной управы Петра Долгорукова и даже с нежностью называли его «наш князь». Ведь князь всячески содействовал улучшению их жизни, занимался постановкой дела народного образования, организовывал агрономическую помощь крестьянам.

Земство было неоднородным. Оно собирало в себе противоречия, характерные для страны. Органы самоуправления, созданные в самодержавной России, могли быть интерпретированы по-разному. Двусмысленность положения земств отмечалось всеми – и слева, и справа. Одни видели в этом учреждении нонсенс, а другие – смутный образ будущего государственного устройства. При этом земство в значительной степени было сословным, дворянским учреждением. Нередкими, практически повсеместными были случаи, когда уездные предводители дворянства одновременно были председателями уездных земских управ. Такое совмещение имело место в 132 уездах (37 % от общего числа). В 29 уездах это явление было устойчивым – продолжалось от 14 до 36 лет. Существовала и другая тенденция. Предводители дворянства зачастую крепко сидели на своих местах (20–40 лет) и не собирались их никому уступать. Центром земской жизни были «дворянские гнезда» с их особой культурой и традицией.

Земство способствовало мобилизации наиболее активной части общества среди пассивного, мирно спавшего большинства, которое, разумеется, преобладало. Даже члены земских собраний не спешили являться на заседания. Абсентеизм был поразительный. Нередко на засе-

дания приезжало менее половины участников, и их нельзя было проводить по причине отсутствия кворума. Иногда земские гласные не приходили на заседание, даже будучи в городе, где оно проводилось. В 1873 году в Москве на заседание губернского земства явились 33 гласных из 93. В Новгороде – 22 из 55. В Санкт-Петербурге – 28 из 62. В Симбирске – 21 из 63. В Харькове и Полтаве земские собрания не состоялись в назначенное время. В Твери оно было закрыто раньше времени из-за отсутствия кворума. Это была хроническая болезнь. В Смоленской губернии не смогли вовремя состояться очередные сессии 1869 и 1871–1873 годов, а также экстренные в 1871, 1872 и 1874 году. В Саратовской губернии были прекращены очередные сессии из-за отсутствия кворума в 1867, 1871, 1873, 1874, 1876 и 1877 году, а также экстренная сессия 1874 года. Характерно, что посещаемость уездных собраний была выше, чем губернских, на 20 и более процентов. Современники были склонны отмечать нерадивость отсутствовавших. Однако стоит сказать и о другом: сравнительно малочисленные присутствовавшие являли собой наиболее деятельную часть российской цензовой общественности, которая впоследствии самым активным образом участвовала в становлении политических партий.

Земская жизнь развивалась и эволюционировала. Это напрямую сказывалось на земских сметах большинства губерний. Так, за 1868–1903 годы в большинстве случаев они выросли в 5–6 раз. В некоторых губерниях эти показатели были существенно выше. Так, в Вятской губернии сметы выросли в 9 раз, в Московской – также в 9 раз, в Новгородской – в 20 раз, в Пермской – в 10 раз, в Полтавской – более чем в 13 раз, в Самарской – в 8 раз, в Черниговской – более чем в 10 раз, в Херсонской – в 13 раз и т. д. В некоторых губерниях этот рост был ниже средних показателей: в Бессарабской, Воронежской, Курской, Нижегородской, Олонецкой, Пензенской, Псковской. И все же в целом рост смет в земской России был весьма существенным. Эти изменения почувствовали как губернские, так и уездные земства.

Стремительный рост земских расходов как будто должен свидетельствовать об общественном благополучии. Однако все познается в сравнении. Положение земств и стоящей за ними общественности подчеркивается тем фактом, что совокупные бюджеты всех земств в 1877 году составляли менее 5 % от государственного, а в 1903 году – менее 6 %. Конечно, если речь идет о местных бюджетах, следовало бы учитывать не только земские средства, но и городов, мирские сборы, обязательные страховые платежи, расходы местных учреждений в неземских губерниях. В совокупности речь идет о 300 миллионах рублей, что составляло примерно 1/6 государственного бюджета (при этом из указанных 300 миллионов около трети тратилось на содержание полиции). В странах Западной Европы удельный вес смет органов местного самоуправления был существенно больше. В Великобритании и Пруссии они составляли половину государственного бюджета. В Италии – 38 %, во Франции – 32 %, в Австрии – 25 %. Иными словами, в России «первую скрипку» продолжало играть правительство. Земству приходилось выстраивать свою линию поведения, исходя из этого непреложного факта.

* * *

Россия была очень разной. Она развивалась асинхронно. Составлявшие ее части, народы, сословия бежали в разном темпе. Она знала много разных измерений. Администрация не позволяла забыть официальные границы губерний, военных, судебных округов. Припоминались границы прежних держав, давно уже почивших: например, Речи Посполитой. В кружках шепотом говорилось о России будущего, чьи очертания терялись в тумане. Была и земская Россия, одновременно официальная и неофициальная, уже существующая и вожденная, как бы укорененная в истории. О ней говорили славянофилы, взывая к образам прошлого, к поэтизированному ими XVII веку. О земском начале писал А. И. Герцен. Правда, у него речь шла о республиканской форме правления. О Земском соборе помышлял министр внутренних дел граф Н. П. Игнатьев и первый русский марксист Г. В. Плеханов.

Слово «земство» имело свою пленительную силу. Оно взывало к традиции, к существовавшей практике и одновременно с тем давало надежду на обновление. Тогда, когда русская история «складывалась» в одну книгу, можно было напомнить читателю, что в прошлом были не только великие князья и цари, но и общество, «земля», далеко не всегда игравшая роль молчаливого статиста.

Вехи общественного движения

Общественное настроение по определению неустойчиво. Это маятник, который ходит слева направо и наоборот. В начале 1881 года, после убийства императора Александра II, случился консервативный разворот русского общества. Он охватил многих. В конце 1880-х годов движение пошло в обратном направлении. Это можно объяснять социальной и политической усталостью, истощенностью правительственного курса. Эти объяснения в той или иной степени убедительны, однако явно недостаточны.

Маятник не только смещается справа налево и наоборот. Постепенно меняется амплитуда его колебаний. Общество, пожинавшее плоды Великих реформ, изменилось. Шла урбанизация. Менялся внешний облик городов. Эволюционировал их быт. Росли тиражи газет, журналов. Появлялись новые социальные страты: земцы, земские служащие, адвокаты. Стало больше литераторов, журналистов, представителей прочих свободных профессий.

Все эти изменения шли вразрез с правительственной политикой 1880-х годов. Можно долго спорить о ее характере в царствование Александра III: были ли это контрреформы или преобразования тех лет были нацелены на корректировку того, что не слишком удачно делалось прежде. Пожалуй, важнее другое: правительство как будто не замечало изменений в социальном ландшафте страны, а они давали о себе знать.

В 1890 году было принято новое Земское положение. Земство должно было стать более дворянским и более зависимым от администрации. И то и другое случилось, но имело обратный эффект, нежели рассчитывало правительство. Положение не способствовало лояльности органов местного самоуправления. Скорее напротив: оно стало дополнительным фактором раздражения. Земские гласные от дворянства все чаще «не соответствовали видам правительства». Они боролись против произвола губернатора, за развитие народного образования и медицины, по мере своих сил защищали земских служащих. Гласные же от крестьян были ставленниками администрации и голосовали согласно указке земских начальников. Состав земских управ мало изменился. Более того, можно сказать, что он остался практически тем же. Согласно наблюдениям пензенского земца князя Д. В. Друцкого-Соколинского,

по наружности деятельность земства и при новом Положении о земских учреждениях 1890 года осталась совершенно такой, какой была и при старом. Действующий состав земских собраний, как губернского, так и уездных, видимо мало изменился, а еще менее персонал... управ... Если бы бывшему гласному в трехлетие 1889–1892 годов... каким-нибудь чудом пришлось не познакомиться с земской реформой и с местными толками о ней, он при постоянном аккуратном посещении земских собраний, как уездного, так и губернского, решительно не заметил бы в них никакой перемены.

Земство при этом оказалось обиженным. И главное: состав его все же менялся вместе с теми изменениями, которые претерпевало дворянство в целом.

Дворянство всюду разнилось. Так, в Тверской губернии Новоторжский и Весьегонский уезды отличались радикализмом. Бежецкий, Корчевский, Старицкий, Ржевский, Зубцовский представляли умеренное направление. Тверской, Калязинский, Кашинский, Осташковский, Вышневолоцкий были на правом фланге. Это пестрая картина в одной губернии. Что же говорить о России в целом?

Но о каком бы дворянстве, о каком бы земстве ни шла речь, в «высших сферах» к нему относились с подозрением, с презумпцией «неблагонадежности». 9 сентября 1898 года обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев писал С. Ю. Витте:

Земские учреждения в нынешнем виде вносят в отправление государственное безнравственные начала безответственности, разрушая сознание долга и необходимую определенность и способность к учету хозяйственных операций. Следовательно, с таким состоянием – разложения материального и нравственного – государственная мысль не может примириться, следовательно, потребно не только остановить дальнейшее развитие такого учреждения, но необходимо исправить его и поставить на верную почву.

Эти слова не были случайными из-за очевидной тенденции сужения коридора возможностей, предоставленных земским учреждениям. В 1893 году был издан закон о новых правилах оценки недвижимости при взимании земских сборов. В том же году был введен новый больничный устав, регламентировавший деятельность земской медицины. В 1894 году было установлено правило, согласно которому члены училищных советов должны утверждаться администрацией. В 1896 году в состав училищных советов были введены земские начальники. В 1900 году были учреждены Временные правила об установлении предельности земского обложения. Они заметно ограничивали финансовые возможности земства.

Все эти решения находились в диссонансе с очевидной тенденцией нарастания общественной активности. К этой проблеме можно подойти и с другой стороны: правительственная политика сама по себе была фактором такой динамики. Она вызывала страх, видимо, далеко не всегда оправданный. Губернское земство скоро исчезнет, и лучшие независимые люди уйдут из земства, объяснял В. И. Вернадскому 19 марта 1900 года тамбовский губернский предводитель дворянства К. Н. Чолокаев. 18 июля того же года лидер Московского земства Д. Н. Шипов писал своему другу М. В. Челнокову об угрозе самостоятельности земских учреждений и об их обязанности открыто выступить в защиту своих прав. Примерно тогда же, 16 мая 1900 года, один из известнейших общественных деятелей И. И. Петрункевич писал сыну: земство на грани гибели; министр финансов С. Ю. Витте, министр внутренних дел Д. С. Сипягин, обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев развернули атаку на органы местного самоуправления, так что теперь вряд ли кто-нибудь сможет им противостоять. 3 ноября 1900 года В. И. Вернадский записал в дневнике:

Действительно, рамки жизни рушатся – рамки общественной жизни. Политическая роль земства постепенно сглаживается, а сама идея самоуправления оказывается несовместимой с государственной бюрократической машиной. Оно и занятно, т. к. ясно проникло [в] огромные слои русской жизни сознание необходимости политической свободы и возможность достигнуть ее путем развития самоуправления. Вероятно, земство должно быть уничтожено, т. к. при таком общественном сознании и настроении не может быть достигнуто устойчивое равновесие, ибо самоуправление должно расширяться или постепенно гибнуть в столкновении с бюрократией.

Все или ничего, утверждал Вернадский: торжество бюрократии может предотвратить лишь торжествующее земство. Поэтому «антиземской» программе правительства необходимо противопоставить альтернативную программу, которая предполагала бы возвышение органов местного самоуправления в политической жизни страны.

Эскалация настроений и ожиданий происходила сама собой, помимо желания администрации. Последнее десятилетие XIX века началось с кампании помощи голодающим 1891–1892 годов. Тогда высшая бюрократия растерялась, а общество встрепелось. «Из всех петербургских разговоров выносишь тяжелое впечатление. Особенно это ярко заметно теперь. Все чувствуют, что неправильно ведется дело, что назначения на высшие места не заслуживают

критики», – так 2 ноября 1892 года описала сложившуюся ситуацию хозяйка аристократического салона А. В. Богданович. В итоге общественности неожиданно было позволено то, о чем прежде она и не помышляла.

К кампании подключились Вольное экономическое общество и Комитет грамотности. Прошли многочисленные собрания. Так, 27 октября 1891 года состоялось совещание у К. К. Арсеньева. В 1892 году – у М. И. Свешникова. В нем приняли участие около ста земских деятелей, обеспокоенных сложившимся положением вещей. 6 января 1893 года в Москве на квартире И. И. Петрункевича собрались Л. Н. Толстой, В. С. Соловьев, Д. И. Шаховской, Вернадские, А. А. Корнилов, М. Я. Герценштейн, С. А. Дриль, С. П. Миклашевский, В. А. Гольцев, Н. И. Иванюков и другие, всего около тридцати человек. Кое-кто сомневался в успехе дела. Это вызвало негодование князя Д. И. Шаховского: «Мы не должны и допускать мысли, что можно отказаться от такого дела, как помощь голодающим, кто чем может: сбором пожертвований или личным трудом; что отказ от такого дела был бы позором для русского общества». Его услышали. Надежд на официальный Красный Крест было мало. Ему не доверяли даже в великокняжеской семье. Великий князь Николай Михайлович, решивший пожертвовать 40 тысяч рублей голодающим, передал их не Красному Кресту, а лично В. И. Вернадскому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.